

ПРОГРАММНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ТАКТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРОТОПРАВОМОНАРХИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СИБИРИ НА ПОДЪЕМЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ» 1905 Г.)

Корнеева Галина Андреевна

*К.и.н., доцент, с.н.с., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
korn-galina@yandex.ru*

**SOFTWARE TARGETS
AND TACTICAL INSTALLATIONS
OF PROTOPROMONARCHICHESKIY
ASSOCIATIONS IN SIBERIA
ON THE ELEVATION
OF THE REVOLUTION OF 1905–1907.
(ON THE EXAMPLE OF TOMSK
NEWSPAPER “SIBERIAN JOURNALS”,
1905)**

G. Korneeva

Summary. In this article, based on the Tomsk material, the right-wing newspaper *Sibirsky Izvestia* is moderated, it discusses the initial theoretical and ideological positions and the corresponding program-tactical guidelines of the representatives of the pro-monarchist movement in Siberia on the rise of the revolution of 1905–1907. The political and ideological orientation of the early representatives of the right-wing movement (the newspaper's editorial office or the Tomsk department of the Union of Russian People) in Siberia was determined by the Slavophil component of the Shpovsko-Sheremetyevsky sense on the platform of the decree of August 6, 1905, which determined the prospect of tactical convergence with the liberal conservatism of the Octobrist type (centrism) after the release of the Manifesto on October 17. The concretization of ideology was expressed in the political doctrine of the Zemstvo-state system. Tactical attitudes were determined by the task of consolidating society on ways to strengthen relations with the authorities (autocracy), focusing on reforms in the paradigm of political doctrine (Zemstvo reform in Siberia in connection with administrative, judicial, peasant).

Keywords: Siberia, the revolution of 1905–1907, the editors of the newspaper “Siberian News”, decree of August 6, 1905, moderately right, theoretical and ideological guidelines, program-tactical installations, the Union of Russian People, the Union on October 17.

Аннотация. В данной статье на материале томской умеренно правой газеты “Сибирские известия” рассматриваются исходные теоретико-мировоззренческие позиции и соответствующие программно-тактические ориентиры представителей протоправомонархического движения в Сибири на подъеме революции 1905–1907 гг. Политико-идеологическая ориентация ранних представителей правого движения (редакция газеты или томский отдел Союза русских людей) в Сибири определялась славянофильской компонентой шиповско-шереметевского толка на платформе указа 6 августа 1905 г., что определило перспективу тактического сближения с либеральным консерватизмом октябристского типа (центризма) после выхода Манифеста 17 октября. Конкретизация идеологии получила выражение в политической доктрине земско-государственного строя. Тактические установки определялись задачей консолидировать общество на путях укрепления взаимоотношения с властью (самодержавием), ориентацией на реформы в парадигме политической доктрины (земская реформа в Сибири в связи с административной, судебной, крестьянской).

Ключевые слова: Сибирь, революция 1905–1907 гг., редакция газеты “Сибирские известия”, указ 6 августа 1905 г., умеренно правые, теоретико-мировоззренческие ориентиры, программно-тактические установки, Союз русских людей, Союз 17 октября.

В исследованиях сибирских историков основные программные положения и направления деятельности отделов правомонархических партий раскрыты в хронологических границах предлагаемой периодизации движения, но главным образом начиная

с осени 1906 г., период 1905 г. рассматривается в связи с погромным движением октября и в контексте обоснования наличия “питательной базы” “черносотенного движения” в регионе. Так же обосновывается вывод о преимущественном заимствовании сибирскими отделами

программных положений центральных партий. Исследование исходных теоретико-мировоззренческих позиций и соответствующих программно-тактических установок на этапе аморфных протоправомонархических образований 1905 г., сыгравших роль в оформлении отделов СРН, может дополнить комплекс аргументов в обосновании предпосылок образования правомонархических организаций в регионе. В данной статье мы ограничиваемся рассмотрением вопроса только на материале томской газеты «Сибирские известия», сыгравшей роль первого интеллектуального центра консолидации правых сил в Сибири еще до выхода Манифеста 17 октября. Именно редакция газеты на подъеме революции 1905–1907 гг. выявила в общественно-политическом пространстве сибирского региона запоздалую реакцию справа на маневры правительства в варианте политической программы неославянофилов — шиповце-шереметевцев, смысл доктрины земско-государственного строя («народного самодержавия») сибирскими правыми сначала был принят на платформе указа 6 августа 1905 г. С выходом Манифеста 17 октября 1905 г. явно проявилась тактическая эволюция газеты к центризму октябристского толка, что обусловило наличие крайне правого фланга и перспективу расколов в Томском отделе Союза 17 октября, подготовило оформление Русского народного союза «За веру, царя и отечество» в качестве самостоятельной протопартийной организации традиционалистско-монархического типа. Рассмотреть содержательное наполнение теоретико-мировоззренческих позиций редакции газеты в процессе данной эволюции конкретными программными положениями и тактическими установками и составляет задачу данной статьи.

Сибирские правые (точнее умеренно правые) до официальной легализации в качестве крайне правого фланга томского отдела либерально-консервативной партии Союза 17 октября прошли период самостоятельной консолидации еще до выхода Манифеста в составе неофициального «кружка», который самоопределил себя как отдел одной из первых правых партий славянофильского типа Союза русских людей (СРЛ). Причем идейно-мировоззренческие ориентиры, основные программные положения, тактические установки изначально соответствовали центральной партии [1. С. 503–504; 2], ориентация на партийные документы центра была характерна и для умеренно-либеральной, занимающей центристские позиции, части томской профессуры, составившей интеллектуальное ядро отдела партии Союза 17 октября. [3. С. 106]. То есть, сибирские правые (традиционалисты) свою политическую деятельность начали сразу в границах неославянофильского и затем в качестве временных попутчиков либерально-консервативного направления общественно-политической мысли, что объясняет, почему идейные ориентиры и программные установки правых не носили самостоятельного характера. Так же

еще на этапе генезиса периода томских «Сибирских известий», как и либералы, правые на политическую арену вышли с позиции признания необходимости реформ, прежде всего земской — главного условия разрешения всего комплекса насущных потребностей региона.

Существование первой в Сибири правой организации томского отдела СРЛ подтверждает материал «более правой» относительно «общественных формирований», «близких к программе партии кадетов», газеты «Сибирские известия» [2; 4], под этим названием газета выходила в Томске с 1 сентября 1905 г., с 1 января 1906 г. стала органом томского отдела Союза 17 октября «Время». На наш взгляд, политико-мировоззренческую позицию редакции можно отнести к типу умеренно правых славянофильского толка в позднем изводе — шиповце-шереметевцев. Направление «Сибирских известий» вызвало резкую реакцию со стороны либеральной прессы, газета была объявлена «черносотенной». Вс. М. Крутовский сообщал, что еще до погрома октября 1905 г. «не оформившаяся, не сорганизованная реакционная часть томского общества» явилась «на арену политической борьбы со своим органом «Сибирские известия» [5. С. 305], по мнению иркутского «Восточного обозрения», «Сибирские известия» сразу проявили явное «тяготение к испытанной старине». [6] В условиях либерально-революционного срыва общества редакция и сотрудники газеты однозначно заявили о себе в качестве последовательных традиционалистов, противников европейского прогресса с его негативными последствиями, утверждая, что «прогресс прогрессу рознь» и «в современном прогрессе позвольте усомниться». Свою «правизну» редакция объясняла тем, что, не желая подражать большинству органов печати, которые пошли «по пути «разрывов» с историческими народными традициями и расчленения единого русского государства на бесчисленные «самоопределяющиеся» народы и народцы», «решилась на отчаянное дело» — «поддаться немножечко назад», выступив с заявлением, что «идеологическое политиканство русскому народу не нужно вовсе». До Манифеста 17 октября в контексте теории прогресса славянофилов «Сибирские известия» последовательно проводили линию критики «прогрессистов», под которыми понимали большую часть интеллигенции, за их «разрушительные стремления» «сломить вековые исторические основы русского народа», предлагали в целом «переоценить наше прогрессивное движение», которое дошло уже до границы «одичания», «ретроградства», «изуверства» и «обскурантизма». [6; 7].

Именно на страницах «Сибирских известий» наиболее выражено проявилась составляющая консервативной идеологии неославянофильская компонента, с одной стороны, в качестве консолидирующей силы умеренных правых, с другой — их тенденции к сближению с октя-

бристами накануне и в период выборов в I Государственную думу.

Инициатива образования нового печатного органа в Томске по программе торгово-промышленного справочного издания ("общественный отдел газеты" должен был "носить исключительно фактический характер") шла от купца, владельца типографии, гласного городской думы М. Н. Кононова. Издательство газеты брал на себя сам М. Н. Кононов [8. Ф. 776. Оп. 14. Д. 227. Л. 1–1 об.]. По соображениям политического характера издание подобной газеты поддержала губернская администрация, так как, по словам вице-губернатора Бирюкова, выходящие в г. Томске "Сибирская жизнь" и особенно "Сибирский вестник" "отличаются известным тенденциозным направлением". [8. Ф. 776. Оп. 14. Д. 227. Л. 17–17 об.]. Заручившись поддержкой губернатора В. Н. Азанчеева-Азанчеевского, М. Н. Кононов получил свидетельство от 24 июня 1905 г. на право издания газеты под свою ответственность в качестве главного редактора. [8. Ф. 776. Оп. 14. Д. 227. Л. 15, 16, 23, 27, 28]. Первый номер газеты вышел 1 сентября 1905 г. Предположительно редакция состояла из представителей тех общественных сил города, которые объединились в качестве нелегального Томского отдела (кружка) партии Союза русских людей, они же придали газете выраженное общественно-политическое содержание и направление в границах консерватизма славянофильского толка шиповско-шереметевского извода. По существу "Сибирские известия" стали интеллектуальным центром консолидации умеренно правых сил в Сибири еще до выхода Манифеста 17 октября.

Появление в Томске "Сибирских известий", по-видимому, произошло не без влияния информации о консолидации консервативных сил в столицах [9. 8, 17 апреля], но, прежде всего это была реакция справа, как писала редакция в своей программной статье, в "великий момент нашей истории", на вызовы конституционализма под лозунгом "усовершенствования" Булыгинской думы в законодательную. На страницах газеты умеренные правые открыто заявили о своем политическом существовании, сформулировав свое понимание Манифеста 6 августа 1905 г. в парадигме мировоззрения и базовых принципов политической доктрины неославянофилов — шиповце-шереметевцев. Мировоззренческой основой трактовки народного представительства в системе российской государственности была теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, соответственно — русского народа как особого культурно-исторического типа, сформированного "на национальных началах", "началах народности и единения со своим царем", на которых "зидается историческая преемственность его развития". В контексте крушения абсолютизма бюрократии, "средостения царя от народа и народа

от царя" (доктрина "народного самодержавия"), народное представительство в границах Манифеста расценивалось как возвращение России к своим "вековым историческим устоям", восстановление органической связи государства в лице монарха "с прошлым и духом народа". Власть монарха артикулировалась неограниченной и с точки зрения права, так как Основные законы Российской империи Манифест сохранил в неприкосновенности. [10. 1 сентября]. Мировоззренческая позиция относительно реформирования государственного строя определялась пониманием уровня политического развития и правосознания населения с потенциальной установкой на перспективу достижения полной гармонии в отношениях власти и общества. Позднее профессор Технологического института А. И. Ефимов пояснил, что "мы стояли на почве Манифеста 6 августа, потому что считали, что такой государственный порядок соответствует задачи постепенного развития государства и станет школой, в которой народ научится владеть своими правами и разумно пользоваться свободой", в результате "дружных усилий и взаимодоверия царя и народа опытным путем выработается соответствующий России государственный строй". [4].

На исходной посылке принципа "народности" в трактовке неославянофилов редакция "Сибирских известий" однозначно дистанцировалась от той "части интеллигенции", которая бы "хотела сразу пересадить на нашу почву западноевропейский конституционализм". В контексте консервативной теории прогресса русский народ как особый культурно-исторический тип противопоставлялся западноевропейскому по параметру исторически сформированной национальной идентичности и национального самосознания. Поэтому, если народ сохраняет верность своим историческим началам, остается приверженным своему идеалу, то полного разрыва с прошлым "не может и должно быть" и издание Манифеста нельзя рассматривать, как намерение власти ввести в стране конституцию.

Применительно к социокультурному развитию в целом, и политико-правовому архетипу, в частности, сибирского общества, выявленного революцией определенного потенциала монархии, особенно относительно опережающих реалии исторического времени лозунгов либералов-конституционалистов, не без основательным было мнение, что народу нужно "не идеологическое политиканство", а "беспристрастная оценка истинного положения вещей". В условиях революции смысловое содержание "оценки" сводилось к утверждению, что народу нужны "ни беспорядки и забастовки, ни убийства", а «лишь *порядок, законность и производительный мирный труд*», обеспеченные необходимыми преобразованиями, а Манифест 6 августа еще раз подтверждает, что "*правомерная* самодержавная власть русского мо-

нарха отнюдь не исключает возможности самых широких реформ, направленных ко благу русского государства и народа”.

На “национальной” платформе “законности и порядка” программные установки определялись в контексте формулы “сила власти царю — сила мнения народу”. В парадигме неославянофильской (шереметевско-шараповской) теории земско-государственного строя редакция предполагала уделять “особое и главное” внимание сибирским вопросам, прежде всего вопросу местного самоуправления — разработке проекта земской реформы согласно рескрипту на имя графа П.И. Кутайсова. В целом гарантией реформ провозглашалось мудрое строительство “здания народного представительства” на “незыблемых национальных началах”, обеспечивающих истинно народный характер думы. [10. 1 сентября]. “Сибирские известия” поддержали С.Ю. Витте в его намерении провести реформу “бесконтрольной”, “безответственной” и “разобщенной” исполнительной власти, но одновременно и правое “Слово” в его ориентации на усиление удельного веса Государственной думы в системе институтов власти. Редакция считала необходимым расширить компетенцию совещательной “народной” думы с правом запросов, обсуждения законопроектов и бюджета в статусе института “государева контроля” над ответственной перед самодержавным монархом исполнительной властью в лице Совета министров во главе с премьером. Поэтому учреждение Государственной думы с правом вносить предложения при обсуждении государственной программы связывалось с образованием Кабинета (Совета) министров с правом законодательной инициативы, в таком виде Кабинет министров рассматривался единственным средством “согласить свободу народного представительства с не нарушимостью и достоинством царской самодержавной власти”. Монарх как независимый суверен становился гарантом национальной политики правительства, против которой “уже никто бы не осмелился возражать”, следовательно, основным звеном в гармонизации отношений власти и общества. В подновленной конструкции взаимодействия власти и общества на социально-политической базе “народной монархии” законосовещательной Государственной думе отводилась роль фактора, стабилизирующего общество и политическую систему в целом в границах Манифеста 6 августа 1905 г., так как “народная дума” (“народ”) “всегда присоединится к тому, что желает государь”. [10. 23, 24 сентября]. Поэтому для сибирских правых вопрос избирательной системы пока не представлял актуальности, они так же априори шли от умозрительного “образа” русского народа, объективно обеспечивающий “народный” характер думы. Главная стратегическая задача заключалась в том, чтобы убедить общество в способности “обновленного” политического строя осуществить реформы при условии, если все

“общественные элементы” “отбросят рознь” и “дружно соединят свои усилия в деле устройства русской земли” и этим помогут избранникам выполнить свою главную задачу — “послужить русскому народу”. [10. 1 сентября].

Основной социальной базой стабилизации общественно-политической ситуации, установления мира и порядка рассматривалось крестьянство — самая “могучая и многочисленная” категория населения, в отличие от пролетариата и героев М. Горького созидаящая, а не разрушающая сила, источник существования и мощи русского государства. Рассматривая общество по подобию большой патриархальной семьи, “Сибирские известия” писали, что теперь “лучшие представители и от крестьян» в Государственной думе донесут его нужды до царя, ибо Царю русской земли *не может быть не дорого, не близко сердцу* экономическое и духовное развитие крестьянской семьи”. [11].

Решение задачи связывалось и с надеждой на фактор “усталости” русского общества “от насилия, беспорядков и забастовок”, когда с прекращением “эпидемии” “под сенью Государственной думы пойдут мирная, плодотворная работа”. [7].

В соответствие с тактическим целеполаганием сплочения всех “общественных элементов” поднимался вопрос о положении духовной “скрепы” общества — Русской православной церкви (РПЦ) после указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости. Хотя РПЦ оказалась в неравноправном положении по отношению к другим конфессиям, правые не усматривали опасности введения свободы совести, для них значимость указа заключалась прежде всего в том, что церковь сохраняла статус государственной, православие — господствующей религии, следовательно исключительное право на распространение своей веры (мессианство). Поэтому указ однозначно не расценивался как отделение церкви от государства или “умаления роли православия”, смысловое содержание свободы вероисповедания интерпретировалось в контексте последствий его реализации, правые разделяли распространенное мнение, что в другие конфессии отпадут те, кто только “внешне исповедовал православие”. Опасность для православия справедливо усматривалась в кризисе самой РПЦ, что “сама православная церковь бессильна и безвластна над душами пасомых”. Выход из кризисного состояния предлагался на путях “внутреннего обновления” РПЦ, причем с акцентом на “внешний закон”, то есть инициированное “сверху” реформирование в целях преодоления бюрократизации и восстановления канонического строя РПЦ, что предполагало активизацию духовенства в приходах, сближения с паствой, в целом оживление всей церковной деятельности в епархиях. Но, с одной стороны, религиозно-нравственные основы мировоз-

зрения правых изначально должны были ориентировать их на союз с православной церковью в деле сплочения общества на «религиозно-национальных началах», с другой — служить делу укрепления православия как государственной религии в условиях набравшего силу процесса кризиса РПЦ. В результате и сибирские правые изначально попадали «в ловушку». Духовенству предлагалось в соответствии с законом «внутренней правды» откликнуться на инициативу государства и объединиться «в тесный союз для охраны, защиты и распространения своей веры» [10. 18 сентября], что далеко не служило делу сплочения поликонфессионального общества, в том числе и на религиозной почве, а задача «укрепления церковных оград» потенциально предполагала усиление власти консервативного епископата в епархиях, что блокировало самую суть церковного реформаторства на основе реформы прихода.

При разности политико-мировоззренческих подходов, как и либералы, умеренные правые были убежденными противниками «потерявших под ногами почву», «ведущих земское хозяйство в Сибири» «бюрократических учреждений», с земским самоуправлением связывали надежды на развитие всех сторон земского хозяйства региона, «которые остаются на самой первой стадии своего развития». [10. 1 сентября; 12. 4, 14 сентября; 13]. В ориентации на архетип сибирского крестьянина и в трактовке либералов, так же обосновывалось наличие зрелых социальных предпосылок для введения земских учреждений [12. 4, 8 сентября], огромного потенциала реформы для России в целом, в том числе и богатом ресурсами, ничем не отличающегося «в бытовом и экономическом отношении» от коренных русских губерний регионе с географическим названием «Сибирь». [12. 2 сентября; 14; 13]. Правые призывали «истинно русских, честных людей» в Государственной думе показать народу, «в чем его сила, где лежат все его богатства», будущее Сибири рассматривалось в парадигме интеграции региона в экономическую модель, предполагающую свободное развитие частной инициативы, притока инвестиций, в том числе и иностранных, при условии сохранения определяющей роли отечественных банков («ни в коем случае не отдавать всю промышленность иностранцам»), собственной промышленной и сельскохозяйственной инфраструктуры, всего комплекса условий, при которых эксплуатация Сибири обеспечит России и «первый в мире флот», и сильнейшую в мире армию, «и школы, и фабрики», самостоятельную сеть железных дорог, поможет разрешить аграрный вопрос в европейской части, где «крестьяне задыхаются от малоземелья и податей». [13].

«Сибирские известия» приняли активное участие в обсуждении основных положений проекта земской реформы в Сибири. Мировоззренческая ориентация не-

ославянофилов на принцип единой и неделимой России априори предполагала реакцию справа на либеральный проект «в упаковке» областничества, по мнению редакции, проект «оказался винегретом странностей и несообразностей вроде областного на всю Сибирь земства», единственная польза которого в том, что разработчики показали, как нельзя «составлять проект какого бы то ни было земства». [15. 2 сентября].

Критика основных положений земской реформы применительно к условиям Сибири была развернута с позиций общегосударственного подхода к проблеме с характерной для консерваторов ориентацией на традицию, местный крестьянский общинный архетип и его производные. В отличие от либералов в «картине мира» правых образ сибирского крестьянина более соответствовал устойчивости и целостности (укорененности) социальной культуры сибирской деревни. Но в перспективе ориентация на исторически сформированный крестьянский архетип блокировала адекватную оценку протестного потенциала сибирской деревни. Причем вопрос о земстве в протестных требованиях крестьян в период революции практически отсутствовал, что свидетельствует о крайне низком интересе сибирских крестьян к реформе. [16. С. 96–104]. Еще Тобольский вице-губернатор А. Н. Тройницкий в своем особом мнении к «Журналам» губернского Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности писал, что большая часть крестьян «совершенно не понимает в чем заключается для них выгода какой-то мелкой земской единицы». [17. С. 58].

Сибирь в составе Российской империи правыми рассматривалась как «крестьянская страна», поэтому земство, по определению «Сибирских известий», должно быть прежде всего крестьянским, следовательно в своей деятельности руководствоваться сформированными в условиях Сибири опытом ведения хозяйства, традицией мирского и волостного самоуправления и соответствующим стереотипом поведения, что в целом соответствовало социальной ориентации неославянофилов на крестьянский общинный архетип. Поэтому главный недостаток проекта земской реформы усматривался в том, что он составлялся без учета специфических условий Сибири, мнения самих крестьян относительно основных положений реформы и предложенных разработчиками решений нужд и запросов деревни (например, вопрос о государственных и кабинетских землях). [15. 2, 16 сентября].

Критика либерального проекта земской реформы в Сибири основывалась на основополагающих принципах консервативного курса в аграрной политике правительства конца XIX — начала XX в. Вместе с тем под влиянием объективного процесса разложения общи-

ны в прославнофильских правительственных кругах постепенно утверждалось представление о преходящем характере общины. Отказ от взгляда на общину как одного из универсальных специфических «начал» («земля», «соборность») русской истории был отражен в установке манифеста 26 февраля 1903 г. на «изыскание способов» «облегчения отдельным крестьянам» выхода из общины, затем развитый Редакционными комиссиями в формуле — вопрос судьбы крестьянской общины «не в коренной насильственной ломке крестьянского порядка землепользования», а в «естественном ходе вещей». [18. С. 53, 194]. В сущности, разработка нового крестьянского законодательства предполагала дальнейшее развитие тенденции в аграрной политике правительства на индивидуализацию крестьянского землепользования при этом с установкой на сохранение крестьянства как патриархального сословия, то есть исключения из реформаторского процесса системы правовых и административных отношений в деревне. [19. С. 94–95].

Подготовленный леволиберальной интеллигентской группой проект реформы, разработанный на основании положения 1864 г. и положения 1892 г. для земских губерний, правые считали не соответствующим территориально-административному устройству региона, финансовому, демографическому состоянию и этническому составу населения Сибири, блокирующих прежде всего вопрос образования мелкой земской единицы из крестьянских волостей и инородческих управ, содержание которой никакой местный бюджет «не выдержит». Мелкую земскую единицу предлагалось образовать с учетом всех факторов, влияющих на развитие и доходность конкретного района, то есть пересмотреть границы старых волостей и объединить однородные по характеру местности, населения, хозяйства, тяготения к рынку сбыта районы в новые волости (от трех до пяти на уезд). Административное устройство вновь образованных районов передать компетенции уездных съездов выборщиков, в эти районы — волости включить управы оседлых инородцев, управы кочевых присоединить к уездным земствам, то есть в волостное земство не включать. При этом правые отстаивали сохранение традиционной системы местного управления, были уверены, что крестьяне будут против ликвидации своих сословных органов — волостного, но особенно сельского правления, так как содержание земских учреждений станет для них дополнительным налоговым бременем. Не поддержит данное положение проекта и государство, так как ликвидация сословных учреждений, безвозмездно выполняющих обязанности фиска и полицейские функции, приведет к увеличению налогов. [15. 2, 16 сентября].

С учетом крестьянского общинного правосознания и критики публичного права несостоятельность проекта усматривалась и в связи земской реформы с судебной.

Несколько модернизировав, придав некоторые признаки коронного суда, правые решительно отстаивали сохранение сословного волостного суда, систему судопроизводства на основе норм обычного права. [20. 12 октября].

Категорически не согласны были с предложенной в проекте системой выборов на основе равного избирательного права и двухлетнего ценза оседлости. Эти положения расценивались как «несерьезные размышления», противоречащие «понятиям» крестьян, которые к управлению земским делом не допустят женщин, «сотни тысяч не причисленных переселенцев», проживших среди них только два года и не выполняющих наравне с остальными повинности. Но поддержали предложение ввести в систему земских выборов имущественный ценз, дающий преимущество крепким хозяевам — арендаторам государственных и Кабинетских земель. В этом вопросе правые исходили из понимания неразвитости в Сибири частной собственности на землю, но констатировали увеличение контингента «арендаторов земли Казны и Кабинета». [15. 2, 16 сентября].

Компетенция земских учреждений совместно с вопросом школьного образования по аналогии с земскими губерниями ограничивалась только «заведыванием местными хозяйственными делами» [15. 16 сентября], таким образом, исключались вопросы, которые, по мнению редакции, не относятся к «запросам и нуждам» местного характера. Редакция однозначно определяла свою границу слева относительно областников заявлением, что местные интересы она признает постольку «поскольку они отвечают или противоречат благоденствию и величию России», и к решению которых подходит «не с точки зрения какой-либо партии или кружка», а руководствуется «интересами государства и основной массы его населения». К категории вопросов общегосударственного значения, подлежащих компетенции Государственной думы, относили в качестве первостепенного разработку крестьянского законодательства, касающегося сословной неравноправности, прежде всего отмены круговой поруки, связанный с землеустройством крестьян-старожилов «переселенческо-колониационный» вопрос, так как в его благоприятном решении заинтересовано население европейской России, к тому же с окончанием русско-японской войны встанет проблема земельного устройства в Сибири возвращающихся с Дальнего Востока воинов. [15. 2 сентября].

Правые отрицали факт существования аграрного вопроса в Сибири [12. 4, 8 сентября] в условиях снижения потенциала «захватных форм» землепользования, сокращения фонда удобных и пригодных для обработки земель, эволюции сибирской общины от заимочно-захватной к передельно-урavnительной. В критике

проекта выступили решительными противниками национализации, муниципализации земли, положение об “экспроприации государственных земель и лесов”, “земель Кабинета” считали умозрительным, не соответствующим потребностям крестьян [15. 2 сентября] и, таким образом, попадали в новую “ловушку”: основной комплекс противоречий в деревне развивался на почве обострения земельного вопроса, поземельных отношений, связанных и с системой крестьянской аренды на землях Кабинета и казны, практикой отвода земельных и лесных наделов при землеустройстве (причина противоречий старожилов и переселенцев, «лесорубочной революции» на Алтае), в целом — требования “черного передела” Кабинетских и государственных земель на принципе уравнительности и трудового права, введения прямого налогообложения. [21. С. 253–271].

Сибирскую общину правые рассматривали по типу “поземельно-экономического союза”, ориентировались на устойчивую связь крестьян с общиной и общинным землевладением, относили себя “к защитникам общинного землепользования”. Вместе с тем “увязывание” земской реформы с развитием категории крепких хозяев — арендаторов Кабинетских и казенных земель корректировало позиции в данном вопросе в русле сближения курсов С.Ю. Витте и В.К. Плеве в границах либерально-консервативной аграрной политики правительства второй половины 90-х гг. XIX — начала XX вв., не случайно в земском и крестьянском вопросах правые обращались к материалам комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности [10. 10, 11 октября]. Поэтому в непоследовательной позиции правых в вопросе урегулирования юридически-правового положения крестьянства была и ориентация на “облегчение перехода к подворному владению”, при этом как эволюционисты они отрицательно относились к форсированию ликвидации общинного землепользования и поддерживали тех, кто считал, что “необходимо предоставить решение этого вопроса самой жизни и населению”. [20. 30 сентября].

Перепечатки из центральных и провинциальных газет свидетельствуют, что после выхода Манифеста 6 августа 1905 г. редакция внимательно следила за расстановкой политических сил в стране, при этом обращала внимание на позицию тех представителей, которые в период подготовки к выборам в Булыгинскую думу стали придерживаться тактики компромиссов во имя создания в думе сильного центра. [10. 22 сентября]. После выхода Манифеста 17 октября газета “полевела” в направлении к октябризму, соответственно с ориентацией на тактическую установку образования партии “центра” [10. 8, 12, 25 ноября] под лозунгом “свобода и порядок”. Вера в реальность осуществления в полном объеме Манифеста 17 октября 1905 г. проявилась в обращении “ко всем русским людям”,

поборникам “законного прогресса”, “разумного покоя”, к людям “центра” с призывом “отойти от крайних партий”, “сплотиться в борьбе за правопорядок в России”, “за свое лучшее достояние — целостность и независимость Родины”. [10. 6 ноября; 22]. Так как с Манифестом 17 октября Россия “вступила в семью конституционных государств”, теперь стратегическая задача заключалась в том, чтобы объединить общество в “единую государственную семью” на базовом принципе “законности и порядка”, поэтому с точки зрения закона “преступны действия как “красных”, так и “черных сотен”. [10. 9 ноября]. Редакция признавала необходимость борьбы с партиями, “проповедующими кровавую борьбу для достижения своих целей”, отстаивала принцип “сильной власти, опирающейся на закон и требующая от всех подчиняться закону”. [10. 13 ноября]. Манифест был принят в качестве программной политической платформы, “на реальной базе” которого “только умеренно-прогрессивные элементы могут и должны строить храмину пересоздающейся России” на основополагающем принципе: “монархическая власть, единство и нераздельность свободной России”. [10. 9 ноября]. Рассматривался как документ окончательного характера, так как после дарованных свобод, расширения прав Государственной Думы “требовать большего, не дождавшись проведения в жизнь объявленных реформ, значит поддерживать смуту для смуты, значит умышленно готовить гибель России”. [10. 6 ноября]. Все надежды редакция связывала с созданием Государственной думой “твердого, сознательно-национального, разумного и народного по духу правительства”, “которое в единении с царем” способно будет “обновить Родину”. [10. 18 ноября]. Позднее А.И. Ефимов сформулировал основные программные принципы и тактические установки Томского отдела СРЛ: “Мы были против бюрократического абсолютизма”, выступали “за широкое местное самоуправление”, “свободу считали следствием начатых реформ”, “призывали к миру, порядку, труду”, считали, что “русский народ, который создал государство, должен иметь при решении его судеб первый голос и что в политической борьбе нельзя рисковать всем его будущим”. Задачу момента профессор однозначно усматривал в умиротворении отечества путем проведения правительством в жизнь Манифеста 17 октября, “подкрепленный твердым народным сознанием о необходимости порядка”. [4].

Таким образом, славянофильская компонента в идеологии земцев шиповско-шереметевского толка определяла политико-идеологическую ориентацию ранних представителей правого движения в Сибири, вместе с тем стала идейной базой их сближения с либеральным консерватизмом октябристского типа. Конкретизация идеологии получила выражение в политической доктрине земско-государственного строя, с которым связывались надежды на общегосударственные реформы, составляющей частью которых должно было стать и решение неот-

ложных нужд сибирского региона как органичной части Российской империи. В комплексе проблем Сибири, требующих неотложного решения, умеренные правые выделяли прежде всего проведение земской реформы с учетом территориально-демографического, этнического факторов, (категорически отрицали проект земской реформы в областнической «упаковке»), с земской реформой связывали непоследовательное реформирование административной системы, сословного судопроизводства, развитие арендных отношений на землях Кабинета. В русле дворянско-консервативного курса аграрной политики правительства ориентировались на сохранение крестьянской общины, земельной собственности Кабинета и государства, общинный архетип в структурах менталитета сибирского крестьянства, вместе с тем учитывали объективные процессы социальной дифференциации общины и корректировали свои позиции в соответствии с усилением тенденции в аграрной политике правительства на индивидуализацию крестьянского землепользования. В отличие от формирующегося левого фланга сибирского либерализма освобожденческого типа (тем более радикально революционного движения) правые заявили о себе как эволюционисты-традиционалисты,

поэтому обосновывали реформы в качестве основного условия укрепления политического строя России, стабилизации общественных отношений, гармонизации взаимоотношения власти и общества. Предложенная эволюционная модель развития страны в программных установках ранних представителей правого движения в Сибири в целом соответствовала идеологии и программе партии славянофильского толка Союза русских людей, в свою очередь, генетическая связь либерального консерватизма с слабо дифференцированным правым флангом земского движения обусловила тенденцию к сближению правых с октябристами уже на этапе томских «Сибирских известий». Сибирские правые в своем генезисе так же прошли противоречивый период конца 1905–1906 гг. в ориентации на либеральный консерватизм, другое дело, что в парадигме нарастающей реакции «снизу» на вызовы и угрозы революции Союз 17 октября в конечном итоге не стал руководящим органом партийного оформления традиционного социума сибирского общества.

Статья подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Алексея Александровича Селиверстова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Крафт+, Институт русской цивилизации, 2008.
2. Изгой. Изгой современной томской жизни. Задачи и программа Томского отдела Союза русских людей. Изгой и радикалы // Сибирские известия. 1905. 13 октября.
3. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX в.: идеология и политика. Томск: Изд-во ТГУ, 1996.
4. Ефимов А. Необходимое объяснение (письмо в редакцию) // Сибирские известия. 1905. 30 декабря.
5. Крутовский Вс. М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Типо — лит. Сибирского товарищества печатного дела, 1912.
6. Маленькие письма о маленьких делах // Сибирские известия. 1905. 7
7. На современные темы // Сибирские известия. 1905. 9 октября.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА).
9. Сибирская жизнь. 1905.
10. Сибирские известия. 1905.
11. Письма крестьянина. Крестьянин // Сибирские известия. 1905. 2 декабря.
12. Земство в Сибири // Сибирские известия. 1905.
13. Чем сильна Россия в будущем? // Сибирские известия. 1905. 1 октября.
14. Почему нужно земство в Сибири. Корреспонденция «Нового времени» // Сибирский листок. 1905. 3 февраля.
15. Запросы сибирской деревни и ближайшие задачи сибирских представителей в Государственной думе // Сибирские известия. 1905.
16. Лаврова М. В. К вопросу о движении за введение земского самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX в. — 1917 г.) // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного ун-та, 2001.
17. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: Тобольская губерния. СПб.: Б.и., 1903.
18. Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М.: Наука, 1987.
19. Христофоров И. Момент истины? Первая российская революция и крестьянский вопрос / Первая российская революция: проблемы и перспективы изучения // Российская история. М., 2016. № 4.
20. Предстоящая реформа законодательства о крестьянах // Сибирские известия. 1905. 12 октября.
21. Ноздрин Г. А. Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. — 1914 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011.
22. Пора настала // Сибирские известия. 1905. 10 декабря.